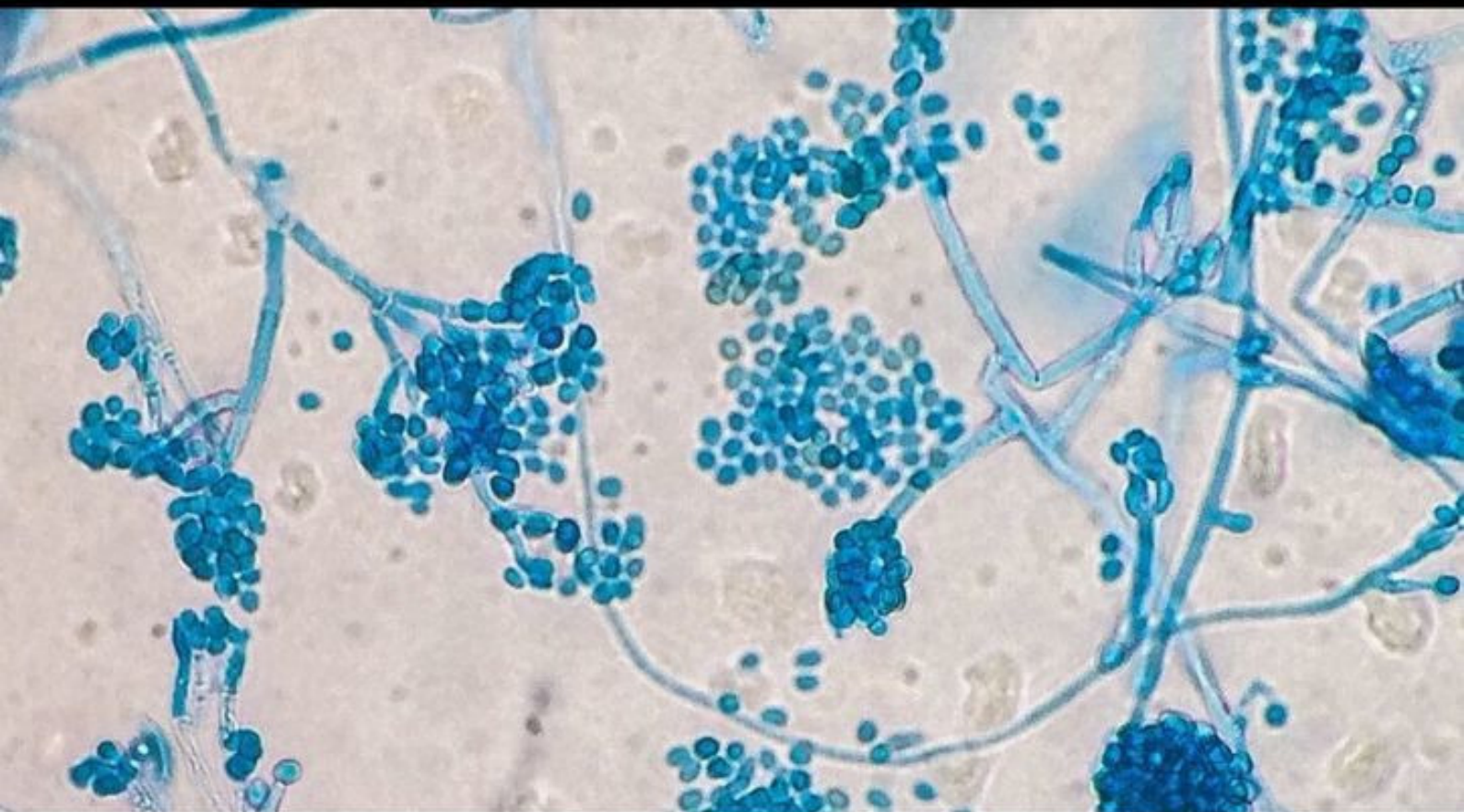

18+

Культурный Шизофреник

НЕЙРОГРИБЫ

и другие новеллы

Культурный Шизофреник
Нейрогрибы. И другие новеллы

«Издательские решения»

Культурный Шизофреник

Нейрогрибы. И другие новеллы / Культурный Шизофреник —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985546-6

Цепочка несвязанных сюжетов о проблемах русской современности, со всеми её самыми злыми язвами — коррупция, всеобщий раздрай, насилие и сумасшествие... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985546-6

© Культурный Шизофреник
© Издательские решения

Нейрогрибы И другие новеллы

Культурный Шизофреник

© Культурный Шизофреник, 2020

ISBN 978-5-4498-5546-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На костях

Бог проклял Землю. В холодную зимнюю ночь над месивом из обломков бетонных плит, из битого стекла, из рваной человеческой плоти и кусков покорёженного металла скользили лучи искусственного света. В них суетились люди с яркими касками на головах. То и дело раздавались громкие голоса, слышался визг металлорежущего инструмента, в стороне, растаскивая мусор, бухтели два экскаватора. В середине же, на груде развалин возились кинологи. Облачённые в оранжевые жилетки, служебные их собаки, принюхиваясь, лезли в дыры между завалами, указывая направления поиска, и лишь благодаря им спасателям иногда удавалось вызволить из каменного плена полумёртвого человека. Его водружали на носилки и спускали вниз к одной из дежуривших машин скорой помощи. И там, оттеснив солдат оцепления, к носилкам сбегались те, в ком жила надежда увидеть близких живыми.

На автостоянке развёрнут был оперативный штаб МЧС. Возле него толпились журналисты, ежечасно устраивавшие онлайн-трансляции с места трагедии.

Молодой репортёр, делая махи руками, вздыхал в камеру:

...А вот там, ближе к дороге стояла большая восточная колонна. Она, как утверждают очевидцы, рухнула первой. Затем, секунды спустя, обрушилось всё крыло. В настоящее время по разным данным под обломками находится от 30 до 50 человек, в основном это женщины и дети, все – участники развлекательного мероприятия...

И он показывал предполагаемой публике арматуру на месте слома, что должно было создать у зрителя «верное» представление о весе упавших конструкций и внушить мысль о тщетности героических усилий, предпринимаемых во имя спасения выживших. Зритель должен был покачать головой и сказать: «Ну, под таким весом никто не выживет. А всё же молодцы, как они борются за каждого!»

Рядом девушка-репортёр говорила о вероятных причинах случившегося:

...Как заявил начальник государственной комиссии, работающей на месте происшествия, майор Михаил Малков – версию теракта следствие не рассматривает. Характер разрушений указывает...

Михаил Малков, служивый человек далеко за тридцать, рослый, хорошо сложенный, вышел из штаба и побрёл к заграждениям – недалеко, в соседнем квартале был припаркован его внедорожник. Проведя на месте обвала долгие десять часов, теперь больше всего хотел он залезть в душ, поужинать и уснуть.

У заграждений встретился Кудренко, заместитель. Он махнул рукой в сторону работавших журналистов:

– Всё! Кинули кость. Счас будут мусолить...

– А-а, у них свой фронт. Главное – не теракт. Ладно, я поехал... Ты – давай звони, если что. Своих предупреди, чтобы особо рта не раскрывали. Завтра я пресс-конференцию проведу.

– Давай, до завтра.

Они пожали руки и разошлись. Сев в салон, Малков включил двигатель, налёг грудью на руль, опустил голову, вздохнул, затем достал из кармана севший телефон, поставил на зарядку. На экране сразу всплыли не отвеченные звонки: один от жены и шесть от Шубина.

Шубин был его одноклассником, они дружили. То, что Шубин звонил шесть раз подряд, было странно, а тем более в такой долгий и трудный день. Майор нажал кнопку вызова:

– Да, Саш. Чего звонил?.. Да, да... Домой еду. А до завтра не подождёт? Угу... Хорошо, подъезжай, да. Угу. – Малков взглянул на часы, включил передачу и начал выводить авто на дорогу.

Когда он подъехал к своему дому, у ворот стоял хетчбэк Шубина. С увесистой папкой в руках Шубин выбрался наружу и, подойдя к машине майора, протянул руку в салон.

– А чё на заходишь? – сказал Малков, пожав руку – Лиля дома. Все дома.

– Выйди, покурим... Это на двоих разговор.

– Не-а, так дела не делаются. Давай за мной.

Майор поднял стекло и с осторожностью начал въезжать в открывшиеся ворота. Следом въехала мазда Шубина.

Немногим позже они сидели в одной из комнат второго этажа в доме Малкова. Майор занял кресло возле журнального столика. Шубин не пожелал садиться и всё время расхаживал от дивана к окну и назад. На журнальном столике между ними лежало на тарелках парное жареное мясо с перцем, стояли две чашки и ещё горячая турка с кофе. Одной рукой пролистывая папку, привезённую другом, второй майор держал вилку с насаженным куском. Шубин к еде даже не притронулся. С выражением глубокой озабоченности на жёлтом лице, он тёр глаза и переносицу, а то вдруг замирал, опустив голову, словно видел что-то сквозь пол.

– Ты с осени закормлен что ли? – спросил его Малков

– Я покурю в окно, ладно?

– Только что курил. Завязывай. Не нравится мне, как ты выглядишь...

В десятый раз Шубин отошёл от дивана к окну и, приоткрыв его, засмолил сигарету.

Майор захлопнул папку, бухнул её на стол:

– Всё равно, я не понимаю. То есть по факту приёмку возглавлял не ты... Ну и? О чём поговорить-то хотел, так срочно?

– Ноги у меня отекают, Миха, по вечерам.

– Ого! Вот это ты вывез сейчас... Жена знает? Это нехороший симптом, Сань. С этим шутить...

– Как это не ответственный? – перебил Шубин задрожавшим голосом – А кто ответственный? Я ж знал, что там узлы плохие... Она и должна была упасть, а тем более на таких пролётах. Понадеялся на арматуру... как вообще можно было... уговорил, надо же... сам себя уговорил, представляешь, сам себя... всегда сам себя уговариваешь как полоумный...

Майор сощурил глаза, потёр висок пальцем и предложил:

– Знаешь, давай-ка присядь – щас покуришь, – присядь... и... выпьем с тобой по чуть-ч...

– Да о чём ты?! – вновь перебил Шубин – Миха! Я ведь к тебе не просто так приехал! Послушай меня, пожалуйста!

Майор вздохнул и откинулся в кресле, выказывая внимание. Шубин, наконец, сел против него на диван и, покачав головой, начал:

– Сколько? С двухтысячного года... Чушь какая-то, от начала до конца... Ну да брал, а кто не брал-то там? Иначе и не залезешь на это место! Опять, х-х, как будто вот оправдываюсь, что ли, выгораживаю сам себя, как...

Он сбился с мысли, покачал головой, а потом чуть слышно забормотал, рассуждая в каких-то глубоко личных терминах.

– Ты можешь нормально объяснять? – напомнил о себе Малков.

– А?

Шубин поднялся, закрыл окно и продолжил:

– Может помнишь, я у Кириллова в команде работал? Олеська только родилась, нам деньги позарез нужны были, и там... на объект, которым я тогда занимался, приехала проверка прокурорская... А... у них косяков там – куда ни глянь. И я понял... Ну, у меня были связи и я знал, как прекратить проверку. И я стряс за это с подрядчика двести тысяч, по тем деньгам... А потом ещё стряс и ещё и потом вдруг – р-раз – меня ставят замом стройнадзора по области, потом – исполняющим обязанности. Я тогда не понимал... А там все берут. Они такие все там такие... других нет. И главное – без распоряжения, без назначения, неофициально. Я своего начальника в глаза ни разу не видел за пятнадцать лет. Его как нет, понимаешь?

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– А потом... на проспекте Мира перекрытия рухнули, помнишь, в газете писали? В две восьмом вроде... Двух узбеков задавило. Ту контору во-обще не проверяли. Никто! А подписи стоят на всех документах... Меня сразу – раз! – главным инспектором сделали. И три года назад, когда цеха на «Хаммасае» строили, там литейный на честном слове, всё кое-как, все материалы, работы – всё самое дешёвое. Я отказывался поначалу подписывать. Двести дают – не беру, триста дают – не беру... Через неделю пошли вот такие бумаги с печатями... – тут Шубин схватил папку, вынул из неё бланк с золотым гербом и протянул майору – ...Приказ номер такой-то и тэдэ... А подписи нет. Приказ! А кто приказывает? Где подпись? Мои из конторы косо смотрят, намекают, что меня снимут с должности, если не подпишу. Как будто они что-то знают, чего я не знаю... Как-то напились с одним на майские, я спрашиваю: «Кто там, над нами? Кто бумаги шлёт?» Он на меня посмотрел как на идиота. Ну и... закрыли тему.

– Губернатор что ли?

– Кто ж его знает, губернатор или из управы, или... из Москвы кто... Самое поганое, Миш... Деток жалко... Там... Я ведь... Херово мне, Миш...

В эту секунду дверь открылась, и в комнату проскочил Артёмка – трёхлетний сын Малкова. В руке у него была книжка «Современные сказки». Подбежав к креслу, он подал книжку отцу, а сам взгромоздился к нему на колени.

– Папа, почитай мне книжку.

– Всё Саня, – закончил Малков – давай по домам. Иди и выспись... Я тоже устал сегодня. С утра на ногах.

– Почитаешь, пап?

Стоя на коленях у отца, Артём обнимал его шею. Книжка упала на пол. В комнату вошла Лиля, она попыталась взять Артёмку на руки, но тот только крепче прижался к отцу и завизжал:

– Мама, не трогай! Пап, ну, почитаешь мне сказку? Почитаешь мне сказку, пап?

– Иди в кровать. Я сейчас.

Лиля повернулась к Шубину, ласково упрекнула:

– И ничего не поел... Как Ольга-то поживает, Саш?

Шубин вполшёпота ей ответил. Малков взял сына за руку, Лиля собрала тарелки и все четверо спустились вниз.

Когда Малков и Шубин вышли на крыльцо, Шубин сказал:

– Я, зато, знаю теперь... как это сделать.

– Что сделать?

– Как вычислить его... этого...

Майор вынул из кармана брелок и теперь на автомате перебирал ключи, нащупывая среди них пульт от ворот. Смысл сказанного дошёл до него не сразу:

– Ты странный какой-то сегодня, ей-богу, кого ты вычислишь?

– Ты вычислишь...

– Я? – удивился Малков – Слушай! Сходи обязательно на приём, а то, знаю я тебя... Хочешь, – у меня врачаха знакомая есть. Ты как чувствуешь себя вообще?

Шубин повернулся боком и показал:

– Верить – нет, уже год под ребром, – вот тут, – ноет. Язву когда вырезали, мне врач говорил, – стенка тонкая... Миш, запомни одно, ладно? Завтра растрезвонь везде, что у тебя появились документы с данными... и первые показания.

– Какие показания? Ты чё смолишь там? Тебе рулить можно вообще? Ну-ка, дай мне...

Малков отнял у друга окуроч, сделал несколько затяжек. Шубин подал ему руку на прощание:

– Я как стёклышко, Миш.

И он пошёл к машине. Уже открыв дверь, крикнул:

– Тот, который начнёт вешать на меня всех собак... вот он и есть главнюк, понял?

– Давай-отдыхай... Дёрганный.

Мазда стронулась и выскользнула в полночную тьму. Малков закрыл ворота, бросил окуроч и пошёл мыть руки от никотина.

Через минуту, вытирая на ходу лицо и руки, он поднимался в детскую. Его жена расстилала сыну постель. Малков подал ей полотенце:

– Захвати с собой.

Едва рука Лили коснулась ткани, Малков притянул её к себе. Лиля поцеловала мужа и, повесив полотенце на шею, пошла вниз. Артём достал книжку из-под кровати:

– Вот эту почитай, пап.

– Ляг – повелел Малков.

Он раскрыл чтение, посмотрел на сына и начал:

– Жили-были старик со старухой на берегу... огромной городской свалки, обоим по сто лет. И был у них мальчик... Вот такой же обормот, как ты.

– М-м-м, я не обормот!

– Жили они небогато, потому что все дни с утра и до вечера дед курил самокрутки, лёжа на печи, или играл с мальчиком в слова и числа. Он считал, что он хитрее других и может зарабатывать себе на хлеб с маслом, так сказать, умственным трудом. Жители деревни стыдили его, а дед отмалчивался, но раз в месяц приносил в сельмаг золотую монетку и покупал запас муки, масла и табаку. Кто бы не спрашивал у него, где он находит монетку, дед только щурил глаза и улыбался, так что одни считали его блаженным, другие – побирушкой, а третьи – колдуном.

И на самом деле было какое-то колдовство в том, как дед зарабатывал на жизнь. Он уже и сам толком не помнил, почему и как всё это началось, но зато он отлично помнил, что в те ночи, когда безущербная луна всходит над лесом, ему надобно слезть с печки и пойти на свалку, а там взобраться на большое обгоревшее дерево и ждать боя часов. Он знал, что ровно в полночь, окружённый сворой бродячих псов, на свалку въедет грязный мусоровоз без водителя. Заскрипят поршни и кольца, ходовые валики и запчасти, откидывая кузов; заскулят, завоюют в восторге собаки, предвкушая пир, и на гнилую бесплодную землю полетят чьи-то внутренности, кишки и кости и куски тел, кишасщие опарышем.

Малков на мгновение закрыл книгу, внимательно просмотрел обложку. В ней не было ничего особенного. Вполне обычная детская книжка, каких полно в каждом магазине. Но сказка была странной.

– Едва сбросит мусоровоз свою страшную ношу, – продолжал Малков – как заревут двигатели, и грузовик весь в клубах чёрной копоти унесётся назад, в ночной морок. Псы-падальщики быстро растащат гнилое мясо, и значит – время спускаться вниз. Знает старик, что там, в этой тухлой куче ждёт его золотая монета, и что предназначена она только ему и никому другому. Он знает это по опыту, потому что было время, когда он, проспав, приходил к помойке под утро, или приходил через два, а то и через три дня, и всё равно под слоем гнили и грязи легко отыскивал он заветную денежку.

Малкову почему-то пригрезилась ночная трасса и спортивный автомобиль на ней. Проклинаемый запоздалыми пешеходами и водителями, автомобиль несётся с бешеной скоростью, выполняет опасные манёвры, идёт на рискованные виражи. Зачем? Малков встряхнул головой и продолжил:

– Много раз, будучи ещё молодым, дед пытался бежать за грузовиком, чтобы умчаться в то место изобилия, откуда мусоровоз привозит свои грузы, – ведь там должны были быть все предуготовленные ему деньги – но, увы, каждый раз стая бродяжек бросалась ему навстречу, и он вынужден был спасаться от них в лесу. Такая вот была у него тайна...

И снова перед глазами майора блесит ночная дорога и вот водитель, подрулив к железнодорожному переезду, тормозит перед шлагбаумом, но лишь затем, чтобы объехать его...

Так и жил дед долгие годы и всё бы хорошо, да только почуял – пришла ему пора умирать. Думал-думал дед, как рассказать мальцу свою тайну, да так ничего и не придумал. И решил, что уж если пришёл срок ложиться в землю, то и собак опасаться ему нужды нет, а стало быть надо в последний раз попытаться влезть в кабину мусоровоза...

Объехав обочиной шлагбаум, машина перед самым носом приближающегося состава медленно выкатывается на рельсы. Звучит гудок, и поезд с диким скрежетом сносит её, выбрасывая колёсами снопы искр и дыма. Малков вздрогнул от того, что случилось, и понял, что дремлет. Не без труда он нашёл в книжке потерянный абзац; продолжил:

Если это удастся, дед откроет дорогу в неведомый край, где найдёт всё то, что полагается ему и его мальчику, и тогда, может быть, тоннами будет возить золото к порогу своего дома, если же не удастся, то – семи смертям не бывать, – он погибнет в зубах шакаля...

Малков взглянул на сына и увидел его мирно спящим. Он аккуратно отложил книгу, выключил ночник и вышел.

Лиля в кухне мыла посуду, оставшуюся после ужина. Малков вошёл и встал возле стола, оглядываясь вокруг.

– Уложил? – спросила Лиля.

– Как суслик. Так, где-то у меня телефон...

– На подоконнике лежит.

Майор взял телефон, нашёл в списке контактов номер Шубина, нажал вызов – из трубки пошли долгие гудки. Малков сбросил вызов, позвонил во второй раз. Ответа не было. Лиля разделалась с посудой, и теперь, подойдя к мужу, обвила руками его широкие плечи.

– Пойдём спать...

Когда небо за окном спальни приобрело голубоватый оттенок, Малкова разбудила трель телефона. Привстав с кровати, он ответил:

– Да, слушаю... Далеко? Угу... Еду.

– Куда ты? – спросила Лиля сквозь сон.

– Саня разбился...

В 9:30 в оперативном штабе открылась пресс-конференция. С заспанным видом, Малков вошёл в шатёр, заполненный журналистами. За столом его уже ждали двое: это были при-

креплённые офицеры – фсб-шник из Москвы и секретарь Горяинов. Малков едва знал их. Он уселся за стол и, постучав пальцем по микрофону, сказал:

– Доброе утро! Рад вас видеть... Жаль, что такой повод конечно... грм-м... Итак, что касается непосредственно повода разговора нашего: как уже говорилось, по результатам первичных оперативно-следственных действий можно утверждать, что это не теракт. Сейчас отрабатывается версия о неправильной эксплуатации здания, и-и-и... на данный момент ещё не исключена версия ошибки при строительстве... За сутки из-под обломков...

Секретарь не дал ему закончить. Он накрыл рукой микрофон Малкова, а сам чуть согнулся и объявил:

– Извините, Михал Палыч, я перебыю. Товарищи, хотелось бы... Я думаю, многие уже в курсе – через неделю к нам прилетает президент. Последовательность мероприятий ещё не определена, но уже понятно, что будет возложение венков и, вероятно, будет открытое совещание в администрации. Кому на аккредитацию, на аккредитацию... м-м, то есть, нужно подать заявки не позднее вечера пятницы. Спасибо...

Зал вдруг зашумел. Корреспонденты, как школьники повыбрасывали руки.

После обеда Малков пошёл по руинам. Нужно было определить границы территории для работы экскаваторов. Шансов на извлечение живых с каждым часом становилось всё меньше.

Вместо живых спасатели находили под обломками зачочневшие трупы. Всего с утра их накопилось двенадцать. Их поместили в специальные брезентовые мешки и выложили в ряд возле заграждений. Опознание проводилось тут же. Тех, чьи личности устанавливались, сразу уносили в катафалк, потому что с утра возле мешков увивалась стая дворняг, и Малкову даже на некоторое время пришлось приставить туда часового.

Неподалёку ещё с ночи начал расти стихийный мемориал. Люди несли к месту общего горя цветы и игрушки, ставили иконки, зажигали свечи. Бросив случайный взгляд в сторону толпы, Малков заметил дядь Витю, отца Шубина. Это был всегда серьёзный невысокий мужчина, упрямый и основательный. Малков пошёл к нему.

– Был на месте, там... Сашку видел? – спросил дядь Витя, крепко сжав руку Малкова.

– Я бы не советовал вам ездить... Там почти не осталось ничего...

– А как же так, Миш? Как он... это... Он ведь от тебя ехал?

Малков не умел и не любил реагировать на такие вопросы, а в особенности если их задавали не чужие ему люди, и потому замямлил:

– Я... как сказать, я н-не...

– Всё ты знаешь, Миша.

– Может быть, сейчас не надо про это? Давайте...

– Нет, ты мне скажи... – загорелся дядь Витя – Я, как отец, имею я право знать или нет?

Малков замер и только молча, как виноватый, смотрел в выцветшие глаза сашинного отца. Точно также, вероятно, и Шубин смотрел бы в глаза его матери, случись с ним какая-нибудь беда. Дядь Витя кивнул в сторону развалин:

– Он ведь из-за этого всего?..

– Виталий Андреич, – вздохнул Малков, – я сейчас занят очень. Послезавтра будет прощание...

Дядь Витя не дал ему закончить. Он круто обернулся и быстро пошёл сквозь толпу. Какое-то время Малков глядел ему вслед.

Через день в конференц-зале устроили прощание с Шубиным. Зал был небольшой, но пышный: президиум, трибуна докладчика, тяжёлые шторы на окнах. Народу набилось много. Перед президиумом поставили гроб. В первый ряд усадили Ольгу, жену Шубина. Она

была в трауре. Малков стоял в самой глубине, за занавесом; с трибуны его было не видно. Выступал кто-то из коллег:

– ... Саша тогда только что пришёл к нам. Весёлый, всегда и на всё глядел с оптимизмом...

Пока он говорил, позади отворилась дубовая дверь и в зал, окружённый свитой, аккуратно влез толстый лысоватый мужчина, губернатор Стаценко. Кто-то из сидевших в зале заметил его, между рядами зашептались, и докладчик невольно затих, как бы уступая свободу слова.

Стаценко, казалось, ждал этого. Он не стал подниматься на трибуну, а прошёл сразу в зал и остановился возле гроба. Преодолевая одышку, заговорил:

– Прощу прощения за... опоздание, я... Времени сейчас на всё не хватает, поэтому... сразу перейду, что называется... Александр... Саша был без преувеличения образцовым сотрудником, ответственным, аккуратным, исполнительным. Отлично нёс свои обязанности; свой гражданский долг. В жизни был добрым, отзывчивым человеком. И вот, к сожалению, так рано уходит от нас. Зная его характер, можно было предположить, что после катастрофы в-вероятен печальный исход, но, к сожалению, всё случилось слишком быстро и... Видимо, душевные переживания были... были очень...

И он глубоко и горько вздохнул, показывая, что чувства мешают ему строить мысль.

Такие его слова вызвали на лицах присутствовавших выражение лёгкого недоумения, потому что были неуместны. Однако, никому и в голову не пришло возмутиться или обидеться ими. Стаценко взмахнул рукой, зазывая помощника, стоявшего у двери, и тот сразу отделился от свиты. С собой он понёс букет цветов, венок и небольшую прямоугольную коробочку. Приняв всё это из рук помощника, губернатор под шум аплодисментов положил цветы и венок к гробу, а коробочку отдал жене. Он заставил её подняться, обнял и заговорил о деньгах. Вернее он говорил о любви, о памяти, о святости семейных и профессиональных уз, но все понимали, что это были слова о деньгах, потому что к высоким словам прилагались разные бумаги, а они давали права на определенные выплаты.

– Специальным указом – говорил губернатор – мне поручено вручить вам небольшую награду...

И все захлопали.

Стаценко отдал зарывавшей Ольге чёрную коробочку с медалью «За заслуги...» и попросил присутствовавших почтить память о погибшем минутой молчания.

Все повставали с мест и склонили головы. Малков заметил затылок дядь Вити во втором ряду. Погружённый в раздумья он сидел, скрестив на груди руки, – как будто охранял себя от происходящего. Передав слово, губернатор пошёл к выходу и увидел Малкова у окна. Жестом он позвал его за собой.

Они шагали по коридору: губернатор Стаценко и Малков. Свита отстала, так что они могли обсуждать что угодно.

– Что у нас там? – спросил Стаценко, имея в виду обвал торгового центра.

– Экспертного заключения ещё нет, но что-то вырисовывается. Скорее всего, при строительстве напортачили.

– Уверен?

– Процентом на 80

– Да-а, дела... – вздохнул губернатор – Сашу жалко, конечно... Мне следак говорит – он сам... это.

– Раз уж шлагбаум объехал.

– Нервы, видимо. Не выдержал. А хороший мужик был, с совестью.

– А что – нервы. Он же не ответствен за ТЦ.

– Ну, то есть как – не ответствен?

– По документам не он.

– Он, он. Ты не все документы ещё видел. А сейчас – смотри, Миш, – сейчас царь придет – надо ему заключение дать, понял?

Малков молча посмотрел в глаза губернатора. В его взгляде читалось: «Что ж ты, сука, делаешь-то!» Губернатор пояснил:

– Н-ну, ты понимаешь, о чём я? Там уже дальше разберёмся плотнее, кто там с ним ещё подписывал. А сейчас надо назвать какую-нибудь фамилию... Да? Всё, ладно, я побежал. Ты на место?.. Давай.

И они разошлись.

Днём Малков снова ходил по завалам. Поиски выживших прекратились и теперь оставшийся мусор он готовился ввернуть тяжёлой технике. Он переходил с кучи на кучу и прикладывался время от времени к фляжке, делая в помин о погибших несколько коротких глотков. Откупорив фляжку в очередной раз, он выронил крышечку, а когда нагнулся чтобы поднять, увидел возле ботинка блестящий жетончик. Такие выдают в салонах аттракционов тем, кто покупает абонемент. Малков поднял и убрал жетончик в карман.

Назавтра Малков поехал к дядь Вите на поминки. Они сидели в кухне, опрокидывая стопки одну за другой, просто, чтобы выпить. Закуски на столе не было. Дядь Витя только и делал, что глядел в пол. Малков, косясь на него, рассказывал историю с губернатором.

– ...ну, вот так. А что я ему предъявлю?

– Да-да-да-да... – качал головой дядь Витя – И Саня значит теперь виновный.

Малков спяну решил, что это упрёк ему и сказал:

– Ну, лежат у меня эти бумаги, Сашкины. На них же ни одной подписи нет. Куда их нести? – и после добавил, – А у меня пацан растёт. Даже смысла нет рыпаться.

Дядь Витя мерно стучал зажигалкой по столу. По сведённым скулам и его упрямому взгляду, майор понял, что последние слова были лишними.

– Одно херово, знаешь. – сказал дядь Витя – Если этих паразитов не травить, они так и будут... Так что ты это... береги сына, Миша, да?

– Дядь Вить. – вздохнул Малков.

– Что ты вздыхаешь, а? Не так сказал, что ли?.. Езжай.

– Дядь Вить...

– Езжай, я тебе говорю.

Скоро Малков уехал, а дядь Витя остался один в пустой квартире. Он сел в гостиной, прямо против телевизора, отключил звук и бездумно пролистывал телеканалы. Спорт, новости, музыка, разные ток-шоу. Пятый канал показывал документальное кино о Ким Чен Ёне. В кадре то и дело появлялся толстый квадратно остриженный человек с узким разрезом глаз. На нём был полувоенный френч тёмно-зелёного цвета. Торжественно восседавая в лимузине с открытым верхом, толстяк медленно проезжал вдоль площади со строгими шеренгами обливавшихся слезами людей.

Дядь Витя перевёл взгляд на китайскую мягкую игрушку, лежавшую в углу комнаты. Это была панда. Чем-то она напоминала круглого человека во френче.

В тот же день дядь Витя купил на развале ещё одну китайскую игрушку – машинку на дистанционном управлении. Там же он приобрёл несколько микросхем и транзисторов. В аптеке взял глицерин. В магазине «Садовод» – мешок аммиачной селитры. В книжном – «Справочник химика». Погрузив всё это в багажник своего логана, дядь Витя поехал в гараж. В пригороде у него был свой кооперативный гараж.

Спустившись в подвал, он включил свет; одним движением смахнул с верстака давным-давно разобранный карбюратор, паяльник и инструмент, а на освободившееся место водрузил баулы с покупками. В одном из пакетов он привёз игрушечного медведя. Затем он включил вытяжку и начал аккуратную мучительную работу с проводками и химикатами.

К пятнице всё было приготовлено. Выпотрошив панду до половины, дядь Витя заложил внутрь взрывной состав. Оставалось установить детонатор. Дядь Витя решил, что детонатор будет приведён в действие нажатием кнопки на пульте дистанционного управления. Когда с детонатором был уже покончено, сверху в дверь гаража постучали. Дядь Витя открыл и увидел Малкова на пороге.

– Добрый день... – пробубнил тот, – Вот решил заехать...

– Привет... – отозвался дядь Витя.

Он отошёл вглубь гаража, пропуская гостя. Разбросанный инструмент на капоте логана создавал ложное впечатление – дядь Витя как будто готовился чинить что-то.

– А я спросил у Ольги, она говорит – в гараже.

Малков вошёл и огляделся. В руке он держал файл с листками.

– Чего пришёл-то?

– Ну, я и думаю – дядь Витя в работу залез... с головой. Отвлечёшься вроде.

– Совесть что ли взыграла?

Вместо ответа майор достал листок из файла, подал его хозяину.

– Я тут принёс. Думаю в администрацию отдать...

Бегло просмотрев лист, дядь Витя вернул его Малкову, ухмыльнулся:

– Да не смейся меня...

– Дядь Вить, ну чё мне увольняться, что ли теперь? – искал оправдание Малков.

– Долго думал? Отстань-ка... Знаешь, пойдём со мной вниз, покажу кое-что...

Они спустились в подвал. Дядь Витя подошёл к верстаку и указал на изувеченного медведя:

– Вот, видишь – готовлю тут. Гомункула буду выводить. Новую, блять, породу людей!

Малков несколько секунд смотрел на верстак, совмещая видимое и речённое, и, когда догадался, поднял встревоженные глаза на хозяина. Тот в ответ только устало потёр лоб и произнёс, подтверждая догадку:

– Вот и порешай, Миша, что тебе со мной сделать...

После выходных прилетел президент. С утра возле аэропорта выставили оцепление, очистили автостоянку. Малкова на место привёз начальник, полковник Смашный. Вместе они должны были выступить с докладом, а потом сопровождать президента на месте обрушения, отвечая на любые его вопросы. Но ещё загодя Малков отпросился уехать домой во второй половине дня, поэтому он теперь должен был доехать с кортежем только до администрации.

Сидя в салоне, они наблюдали за тем, как к машинам двигалась от аэропорта группа людей в пальто, в плащах и костюмах. Подойдя, процессия распалась, все начали рассаживаться по салонам. Смашный сказал водителю:

– Счас в отдел, потом на руины, ну а дальше уже следом: куда Он захочет, туда и мы...

И кортеж тронулся. Ехали быстро и, хотя от города до аэропорта было тридцать пять километров, уже через 15 минут за окном замелькали многоэтажки. Пока ехали, полковник не умолкал ни на минуту. Малков был занят своими мыслями и не слушал его, но временами в голову проникали отдельные реплики и они создавали примерное представление о нити разговора:

– ... а им глубоко плевать, что у нас тут происходит, хотя тот здешний наш, да, даёт этому, москвичу, возможность безопасно и в общем-то приятно жить... и охрана поэтому...

Передние машины вдруг свернули в проулок.

– На развалины? – встрепенулся Малков.

Водитель только молча развёл руками. Скоро кортеж встал возле места трагедии. Улицы были совершенно пустыми. Из микроавтобуса выбежала с камерой съёмочная группа из трёх человек и рванула к головной машине, на бегу готовя аппаратуру. Президент, выйдя из своего мерседеса, принял от охранника букет георгинов; пружинистой походкой зашагал под камерами к стихийному мемориалу.

Малков ссутулился в кресле и как-то исподлобья наблюдал за происходящим. Там, среди свечей, цветов и фотопортретов, заметил он уже виденную раньше игрушку. Только что президент нагнулся к мемориалу, чтобы возложить свой букет, прогремел взрыв. Тела, его и губернатора, разорванные на части, веером разметались по площади. Во всей округе взвыли автосигнализации, началась суматоха. Свита повыскакивала из машин и оцепенела. И даже телохранители в первую секунду не решались бежать к трупам – так страшно всё это выглядело. Майор сидел на заднем сиденье, низко склонив голову. Он был бледен как смерть.

Прошло два часа. Малков ждал распоряжений. Часть кортежа после случившегося поехала в управу, весь лишний народ из машин сопровождения собрали и, усадив в микроавтобус, повезли в администрацию. Среди них был и Малков. Теперь он сидел в коридоре, возле долгого ряда кабинетов. Мимо туда-сюда носились люди в масках и бронежилетах, на спинах у всех мелькали три буквы – «ФСО». Было шумно и тревожно. Один из бегавших обратил на него внимание:

– Чё тут сидишь? Давай в зал.

Малков подчинился. Войдя в зал, он удивился тому, сколько там столпилось людей. Как оказалось сюда сгоняли вообще всех, кто в этот момент находился в администрации или хотя бы ненадолго заходил в здание. В зале работал телевизор, но звук был выключен. Начался экстренный выпуск новостей. Взяв пульт с подоконника, майор включил звук.

– ...ный выпуск новостей. Около часа назад в Тюмени – зачитывал телеведущий, – на месте обвала торгового центра на главу государства было совершено покушение. Президент прибыл к месту трагедии, чтобы возложить цветы в память о погибших здесь на прошлой неделе. В момент церемонии и произошёл взрыв...

И на экране отобразился момент взрыва, заснятый, якобы, кем-то из зевак на любительскую видеокамеру. Все остались живы. Не повредившегося президента (хотя его разорванный на куски труп Малков собственноручно помогал грузить в машину ФСБ) телохранители после взрыва накрыли специальной накидкой и увели в мерседес. Стаценко, истекающего кровью, но в сознании, понесли в машину скорой помощи. Малков глядел и не верил своим глазам.

– К счастью – продолжал ведущий, – мощность заряда оказалась слабой – никто, кроме губернатора Владимира Стаценко, не получил серьёзных травм. На данный момент его состояние оценивается врачами как стабильно тяжёлое. Сообщается, что несмотря на произошедшее ни одно из ранее намеченных мероприятий не будет отменено... – ведущий смолк и взялся перекладывать бумаги на столе, потом прижал пальцами проводок, торчавший из уха и довершил, – И как сообщает пресс-служба ФСБ, уже сейчас в городе проводятся задержания лиц, подозреваемых в организации покушения, взяты первые показания. Мотивы организаторов пока не называются, но уже ясно...

У Малкова в кармане зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал голос Смашного:

– Миша, ты где? В здании?

Не успел он ответить, как в зал с автоматом наперевес вошёл фсо-шник в маске, а за ним показалась девушка. Майор знал её, это была кадровичка. Высмотрев в толпе Малкова, она указала на него пальцем.

– Да, в здании... – ответил майор в трубку

– Давай, зайди ко мне в кабинет...

Малков пошёл на выход. Фсо-шник молча ждал у двери, а когда Малков подошёл, обыскал и отконвоировал его в кабинет к полковнику.

Смашный сидел за столом, и рядом, читая какие-то бумаги, сидел крупный лысый детина, лет тридцати. На столе парил чай. Майор начал было вышагивать, собираясь делать доклад, но полковник его перебил:

– Садись, Миш.

И Малков занял кресло у стола. Лысый пристально посмотрел на него:

– Рассказывай сам...

– По вопросу?

Лысый вздохнул, как будто его принуждали к выполнению какого-то необязательного ритуала, поперхнулся и заговорил, чеканя каждое слово:

– Я, майор Михаил Малков, предал... интересы национальной безопасности, нарушил присягу, позволив... Шубину Виталию, отцу погибшего Шубина... как там его... Александра, изготовить и привести в действие... взрывное устройство, которое едва не привело к смерти трёх высокопоставленных лиц. Продолжать?.. На, пиши...

И он положил перед Малковым листок с ручкой. Майор придвинул к себе листок, поднял ручку, с запинками пробубнил:

– Прив... привело вообще-то...

– Что?

– Привело к смерти...

Помолчали. Затем Лысый ухмыльнулся, задумчиво погладил подбородок и предложил:

– Пойдёшь в ФСО, на повышение?

Майор не ждал такого развития событий и от удивления только вскинул глаза на лысого. Все трое, замерев, сидели, глядя друг на друга. Малков никак не решался ответить. Наконец, лысый поверх первого уже замаранного листка, положил другой; протянул:

– А-а-а, пойдё-ё-ёшь... Заполнишь бланк, потом отыщешь меня, понял? Пиши-давай!

И он вышел из кабинета. Малков дрожащей рукой принялся составлять заявление с просьбой о переводе. Полковник только теперь выдохнул и пролепетал заплетающимся языком:

– Мишка, ты там освоишься. Место будет какое... ты это... ты скажи за меня, ладно?

Великий Переход

На промке зашкерились трое блатных: щербатому с кривым носом было лет пятьдесят на вид, его звали Гриша; Лапшину – долговязому с запавшими глазами на тёмном лице не больше сорока; третий – Салыч – был кудрявым и коренастым. Он полулежал на самодельной раскладушке, шурша исписанным листком – только что прочёл вслух письмо от заочницы. Салыч был моложе всех.

Пили густо заваренный чай с грохотульками. Салыч отхлебнул из жестяной кружки, фыркнул, свернул листок и закончил начатое:

– ... так чта, всё устаканим, братва! Главное не ссать!

– Не-е, я бы не поехал бы в село из города... – протянул Лапшин, поигрывая леденцом.

– Вася, ты мордвин что ли? По-русски говорю – глушь там! Тайга! Ни заводов, ни пароходов, нихера... Водки обычной взять негде! Мужиков не хватает! Туда и поеду. А куда мне ещё?

Гриша передал кружку по кругу, шмыгнул носом, прошепелявил:

– Езжай-езжай. Халтурку, может, найдёшь там, да?

– Работать и в поле можно, заместо коня! – захохотал Салыч – А куда я... в этом, в городе-то пойду, да?

– Чёркни чё да как. Может и я потом... – Гриша похлопал Салыча по плечу.

В закуток, где они беседовали, просунулась из-за двери голова шныря. Увидев его, Гриша неуклюже поднялся и, подволакивая отсиженную ногу, заковылял прочь. Салыч продолжил:

– Честно, чем-то она привлекает меня. Ни мата от неё, ни нытья... Чистая, в общем. Они там верующие все, конечно.

У долговязого – он весь похож был на затаившегося геккона – поднялись веки:

– Ты прямо завтра подъедешь туда?

– Да я не могу понять – успею я, не успею к вечеру. Хозяин даст на такси, тады успею...

Утром Салыч сдал тюремную одежду на складе, получил свою. Потом он зашёл в кабинет к начальнику, забрал паспорт и бумаги об освобождении. В кассе получил деньги. Несколько часов ехал через лес. Когда он сошёл на автобусной станции в райцентре, солнце стояло в зените. Это был небольшой глухой городок, застроенный при царе горохе и обнесённый при Сталине быстро почерневшими от воды бараками в два этажа. На дорогах никого не было. Тут и там во дворах сушилось бельё на верёвках, возле помоек стайками бродили псы и курицы, иногда попадались гуси.

Держалась невероятная духота. Салыч снял куртку, расстегнул пуговицы на рубашке, достал блокнот с адресом. Отслеживая номера домов, пошёл вдоль улицы, пока не заметил припаркованную в бурьяне «буханку». Её он и искал. Салыч щёлкнул языком, как привык это делать за время отсидки, поправил рубаху и скрылся в подъезде. Ему открыл толстый свиноглазый мужик с голым волосатым животом. Салыч протянул руку:

– День добрый! Я это – по поводу довести. Там предупредить должны были...

Пузан сделал непонимающее лицо, поздоровался:

– Коля. Привет.

– Салыч – назвался Салыч.

– А... ну-да – пробубнил толстяк – К сектантам, пра-льно?.. Пятихатка.

Салыч кивнул и начал спускаться вниз:

– Ну давай, я внизу подожду...

«Буханка» упрямо шла через лес. Полузаросшая ухабистая дорога петляла вправо и влево, вверх и вниз, превращалась то в сплошной песчаный откос, то в лесной ручей. Ехали долго. Салыч спросил:

– Маленькая деревня—то?

– Увидишь.

– Часто, что ли, мотаешься к ним?

– Да ну не часто... Я инструмент в основном вожу. Там, продукты какие... по мелочи.

– А платят чем?

Пузан прикрыл один глаз от недовольствия, бросил косой взгляд:

– Дх-хеньгами – чем!.. Они какой-то бальзам на травах делают... Я в Москве десять флаконов за сотню сдаю. Так что деньги у них есть.

– Пенсии, письма тоже ты возишь?

– Они пенсии не получают никто.

– Как это?

– А вот так. Да сейчас приедем уже. Сам всё увидишь.

Ехали через поле. Солнце скатывалось к лесу, у горизонта над озером громыхала гроза – прошла стороной. Близился вечер. Вдалеке за невысоким кустарником уже вырисовывались крыши домов, когда, не доехав трёхсот метров, толстяк остановил машину у обочины и несколько раз продолжительно просигналил. Потом он приоткрыл дверь, закурил и откинулся в кресле.

– Всё! Приехали!

Салыч высунулся из окна, взгляделся. Издалека нёсся чуть слышный голос, бормотавший что-то очень похожее на проповедь.

– Гонишь что ли? Давай до конца-то довези...

– Нельзя.

– Почему н-нельзя?

– А это, вон, у них спроси – почему...

Возле зарослей тем временем началось какое-то мельтешение. На дорогу вышла женщина в длиннополом сером сарафане и, улыбаясь, засеменила навстречу машине, а позади, то выглядывая на дорогу, то вновь прячась в кустах, сновали любопытные дети.

– Всё, давай-вылезай. Поеду я.

Салыч нарочито неспешно доставал сигаретку:

– Чё, торопишься куда?

Коля занервничал:

– Ёптель, ну давай подождём, пока она подойдёт. Потом в глаза поглядишь ей. Потом...

– Ладна-ладна, шучу я!

Салыч взял свои вещи, расплатился и соскочил на дорогу. Коля пожал ему руку на прощание, кивнул в сторону приблизившейся толстухи:

– Она?

Салыч, как мог, скрывал улыбку.

– Она в-роде.

Это была Наида, заочница Салыча.

Вместе они вошли в затерянное посреди первобытной тайги поселение. Посёлок естественным образом смешивался с реденьким лесом. После жизни за колючкой это казалось странным. Возле крайнего дома их встретил щуплый старик лет семидесяти, в выцветшей однотонной одежде – староста. Всё ещё улыбаясь, Наида что-то шепнула Салычу на ухо и указала дом на окраине, после чего отошла в сторонку – мужчинам нужно было поговорить. Староста повёл Салыча вдоль пустынной улицы. Всего два десятка строений: сплошь бревенчатые избы – бани, сараи, дровницы. Электрических столбов, как и проводов нигде не было.

– Родители, говоришь, умерли. Жены нет. А где жил-то между отсидками? – поинтересовался староста.

– А-а... – махнул Салыч – Где я только не жил...

– Я тебя предупреждаю сразу. Ты человек-то ведь новый. Ты когда увидишь, как мы живём, ты не пугайся. Знаешь, мы ведь пятнадцать лет тут. Знаешь, почему? Потому, что у нас вера есть. По-другому не смогли бы. Да ты потом сам поймёшь. Но мы не фанатики, не сволочи какие-нибудь, как попы, ты не думай. У нас всё добровольно и хорошо. От государства мы не зависим. Потому нам тамошние законы по боку. Мы даже пенсии не берём. Потому что их пусти сюда с пенсиями, они начнут налоги драть... Не надо ничего. Сами справимся. А вот чтобы одиноких стариков, детей или инвалидов брошенных – этого у нас нет. Община никого не бросает. Одна проблема, мужиков не хватает...

Тихим шагом они подходили к центру посёлка и, чем ближе он был, тем громче и чётче звучал голос проповедника. И как-то уж слишком мало походило говоримое им на пропо-

ведь. Когда вышли на пятак, Салыч увидел круглый терем без окон с чудаковатой вращающейся дверью и конусообразной крышей, наверху был укреплен динамик. Вокруг терема сидели на траве люди, в основном женщины зрелых лет, хотя встречались и мужчины. Сидели и ревели. Из динамика на всю округу разносился страдающий мужской баритон:

– Я не могу так... Я не знал, что это такое, когда шёл сюда. Выпустите меня-я... Ну, пожалуйста. Откройте дверь, я вас очень прошу-у... Звери вы или люди! Откройте... Ну пожалуйста-а!..

Салыч встал, как вкопанный. Бабы, дети и немногие мужики, все сидели на ковриках вокруг терема и размазывали слёзы по лицам. Староста приобнял новоприбывшего:

– Вот так проходит наша молитва. Грм, туда... в терем... вошёл дух... Грм... Это как бы... Но сейчас не с руки объяснять. С годами...

Салыч, наконец, совладал с собой и даже усмехнулся в ответ:

– Короче, он по-моему назад просится – дух ваш. Не?

– Это тяжёлый выбор... Но каждый делает его сам. Его дух скоро преобразится и получит тело.

– Да ладно, может всё-таки надо его это... выпуск...

– То, что ты сейчас слышишь, это минутная слабость. – перебил староста, – Он скоро прекратит... Всё не так, как тебе кажется. Поживи, освойся и всё поймёшь.

Салыч качнул головой в знак согласия, сощурил глаза. Динамик по-прежнему зывал к людям:

– Пожа-алуйста... Выпустите, я же не знал... Не думал... Пожалуйста. Не надо... Я же жить хочу... Лена, ты слышишь? Попроси старого, Лен...

Одна из плакальщиц вдруг не выдержала и поползла к терему, но её тут же остановили другие женщины. «Не надо, не надо! Успокойся!» – причитали они, сообщая уводя её прочь.

Рыдания тем временем перешли в какое-то истерическое восхваление своей жизни, это звучало так, как будто отчаявшийся человек предпринимает последнее волевое усилие с тем, чтобы взять себя в руки, и встать на тяжёлый, но благородный путь мученичества:

– Я славлю великое счастье... Господи, да за что мне?!.. Я славлю... Я славлю счастье Великого Перехода. Я славлю великое счастье, выпавшее на мою долю... Я был слеп и прозрел... Я был...

Староста торжествующе заглянул в глаза Салычу.

– Вот же бедолага – сказал Салыч сочувственно.

Как оказалось, Наида и впрямь хозяйствовала одна в доме: ни детей, ни мужа у неё не было.

Вечером Салыч с удовольствием парился в бане. То была настоящая русская баня со всеми прибабасами, включая квас и крапиву. После помывки Наида поставила на стол самогон, закуской по случаю знакомства стал шашлык из баранины. Салыч был рад приёму. Ночью, при свечах, пока за окном лил дождь, они трахались.

В очередной раз они разнялись, и Наида тяжёлым дыханием случайно загасила свечу. Чтобы зажечь, пошла за спичками.

– Налей чайку – бросил Салыч вдогонку.

Наида подошла к печке, разлила чай в кружки. Салыч спросил:

– А чё, не предадут нас анафеме, за то, что мы так?

– Как – так?

– Ну, без свадьбы... так... запросто тут?

Наида возвратилась к постели, с улыбкой подала чай:

– Миленький, у нас это не запрещено... Это ж естественно!

– Х-х! Странная какая-то религия у вас...

– У нас принято ценить жизнь, потому что всему бывает конец. Вот главное правило... А чтобы никто не забывал, существует дух.

– Это который там в тереме ныл? – ухмыльнулся Салыч

Наида сидела на кровати спиной к нему и вдруг ссутулилась, закрыла глаза рукой и начала всхлипывать, совсем как ребёнок. Салыч коснулся её плеча:

– Давай, приляг... Да чё ты завыла!

Наида легла под одеяло, прижалась к его плечу, и Салыч снова стал задира́ть ночнушку.

Утром пришёл староста и направил Салыча на пасеку – нужно было сколачивать новые улья.

На пасеке работал ущербного вида мужичок с кроличьими зубами, Игорь. Поодаль весело галдели молодые девушки – они мазали скот маслянистой жидкостью. От напарника Салыч узнал, что запах этого состава отпугивает слепней и мух, и что у большинства здешних девушек нет ни мужей, ни поклонников.

Игорь пахал как одержимый, Салыч же больше болтал и лишь изредка, как бы с высоты своих понтов, подавал доски или инструмент. Закончив дело, девушки двинулись в сторону посёлка. Салыч заметил в толпе высокую и худую блондинку с узкими бёдрами; смеясь, она скакала среди толпы, то и дело кокетливо отбрасывая чёлку со лба. Спросил:

– А это кто?

Игорь обернулся и в ту же секунду над посёлком раздался голос. Мгновенно прекратились шутки и игры, сошли улыбки с девичьих лиц.

– О! Опять там ваш этот муэдзин заголосил. Чё он всё поёт там?

Напарник глубоко и горько вздохнул:

– Сегодня мы есть, завтра нас нет... Сегодня нам хорошо, завтра плохо. Мы должны постоянно помнить про это, понимаешь?

– Не понимаю я этого.

– Потом поймёшь... – вздохнул Игорь, – Тебе, может, помочь чего? Хочется, может, чего? Если надо, ты только скажи, брат!

Эта всеобщая склонность к плачу как будто предпосылала что-то тревожное. Салыч сказал:

– Да. Сладкого хочется. Шоколадку что ли. У вас здесь не густо с этим, я смотрю.

У напарника дрогнул голос, с видимым участием он произнёс:

– Брат, у меня есть дома. Мы щас доделаем, пойдём ко мне. Я тебя чаем напою. Пойдём, а?

– Хм... Ну, пойдём...

После молитвы, Игорь повёл Салыча к себе. Сначала ели крошку, затем пили чай с «Цитроном». Салыч спросил о деньгах:

– Много тебе за улья-то обещали?

– Мы денег не получаем тут.

Игорь вылез из-за стола, достал с полки печенье, высыпал в корзинку. Салыч продолжал:

– На что ж вы живёте, я всё никак понять не могу?

– Мы живём общиной: каждый выручает другого.

– А покупки, вот, печенье опять же... К примеру, захочу я завтра телевизор и-и... что тогда?

На крыльце часто застучали сапоги, и в комнату впорхнула девушка, та самая, которую Салыч заметил на пасеке. Она смутилась, ойкнула и убежала в комнату. Весело крикнула своё «здрасьте» из-за стены.

– Брат, у нас здесь нет электричества, – отвечал Игорь, – но того, что есть для тебя никто не пожалеет, поверь.

– Дочка твоя?

Голос Салыча прозвучал глухо. Он глядел прямо перед собой, помешивая ложкой остывший чай, и ждал реакции. Ненадолго повисла пауза, потом Игорь сказал:

– Брат, хочешь её?

Салыч поднял глаза, нахмурился, вынул ложечку из чашки и вновь пристально посмотрел на хозяина – выражение лица у того было как у блаженного. Это рассмешило Салыча, он скривил рот и проговорил:

– Давай.

– Поди в комнату. Она не откажет.

Салыч захихикал, но хозяин оставался серьёзным и говорил, кажется, откровенно. Мучимый сомнением, Салыч ещё раз вопросительно посмотрел в глаза Игоря.

– Поди-поди – подтвердил тот.

Салыч осторожно поднялся, аккуратно задвинул стул и пошёл вразвалку к двери.

Не прошло и месяца с того дня, как Салыч освободился, хотя в зоне о нём уже успели забыть. Поэтому, когда отрядный сказал Лапшину, что ему пришло письмо от Сальникова, тот удивился,

– А кто это?

– Я откуда знаю?.. А! Может от Салыча?

Перед отбоем Лапша вскрыл конверт. Салыч писал:

Вечер в хату братела!

Лафа! Живу на природе хожу на рыбалку каждый день а работает пусть дядя сенья! Лавэ тут не нужно. Бледей; уева горка, у меня уже гарем. Старая готовит, с молодой, с Анькой, сплю. Мусоров нету мужиков почти никово нету а которые есть тупые алени. Тока я пока не знаю кто у них за смотрящего. Молчат суки. Короче я, ща думаю а может у них вообще хозяина нету? Тогда я тут как кум хули. Особо на распостраняйся. Звонка дождёшься приезжай в гости осмотришься тут посёлок маленький всё есть приезжай. Тебе воровского фарту да мастёвую карту! Покеда.

Салыч.

Салыч по невольничьей привычке опасался, что конверты на выходе могут вскрывать и отправил своё письмо тайно, через «буханщика» (так он окрестил Колю). Правда и в Коле он не был уверен, ему казалось, что тот вполне мог прочесть письмо. А это допущение ему почему-то дико не нравилось. Но когда Салыч спрашивал себя, кому «буханщик» мог бы ссучить его, ответить было нечего.

В первые дни главным управителем и распорядителем он посчитал старосту, но с течением времени выяснилось, что это не так – староста лишь устраивал общий быт, а на деле всё определял плач, или вернее эффект производимый им на сектантов. Едва голос начинал вещать, общинники бежали на помощь ближнему, делились одеждой, деньгами и продуктами, жалели и утешали друг друга. Тогда Салыч подумал, что может быть действительным смотрящим является тот, вечно запертый в тереме человек. Чтобы проверить это, он решил походить на проповеди и слушать их от начала до конца. Но каждый день голос из динамика ныл об одном и том же: он жаловался, что не знал «как это трудно» и просил освободить его, потом вдруг спохватывался и сквозь слёзы начинал «славить счастье Великого Перехода» или же сначала славил, а после начинал рыдать. Но никогда в этих слёзных монологах не было никаких напутствий или указаний общинникам.

Тогда Салыч решил, что может быть с наступлением темноты к «бедолаге» ходит староста, чтобы перемолвиться с ним насчёт хозяйствования. Две ночи подряд он ходил караулить. Но и это оказалось напрасным – даже после заката никто не входил в терем и не выходил из него.

Оставалось неясным, что нужно делать, чтобы завоевать себе авторитет в этой среде. Всё, чему Салыча научила тюрьма, было совершенно неприменимым здесь: если он приставал к молоденькой девушке, та с удовольствием отдавалась ему, хотя бы у неё и был готовый жених; если в гостях он видел какую-то вещь, которая ему нравилась, ему тут же её дарили; когда он отказывался работать, никто не капал ему на мозги, в попытке заставить – словом, всё вокруг было разрешено. И тогда он занервничал. И больше всего Салыча нервировало то, что никто из поселян не вёл себя так, как он. Это было странно и неестественно. Люди работали от зари до заката без скандалов, без дележа средств и выгод; никто не грубил, не спорил и не выяснял отношений, хотя иногда Салыч читал по лицам, что им этого хочется.

– Раз хочется, значит надо дать! – шепнул он в сердцах и решил кого-нибудь показательно отмудохать.

Салыч проснулся в десятом часу. С похмелья в башке тяжелело, болел зуб. Салыч вывалился на улицу, побрёл вдоль посёлка. Навстречу шли трое: мальчик и две девочки, все лет по пятнадцати. Расставив руки, Салыч поплыл на них, заревел:

– У-у-у бля-ять, сявки маленькие!

Девочки развернулись и побежали с весёлым визгом. Мальчик тоже было повернулся, но передумал и встал у забора, вроде – завязать шнурки. Салыч сощурился:

– Чё такое? Сюда иди, гребень дырявый!

Мальчик молча подошёл. Салыч огляделся. Две женщины копались на огороде. Горбатый Ионафан подлатывал печную трубу на крыше. Невдалеке был дом старосты. Обстановка, что называется, располагала. Салыч схватил подростка за волосы и с силой ударил его ботинком в пах. Тот взвыл и рванулся прочь. Салыч выпустил его, чтобы тут же толкнуть в спину, отчего мальчик упал в траву. Салыч наступил ему на руку и стал давить. Мальчик заныл от боли.

– Ёбанный-смешной, хули ты ноешь? – ехидничал Салыч.

Со двора выползла неуклюжая баба, пошла мимо. Дед Ионафан, как не бывало, латал свою трубу. Салыч заорал:

– Чё, а?.. Нормально?! Нормально?!

– Что ты делаешь?

Позади в четырёх шагах стоял староста.

– А чё – нельзя?! – провоцировал Салыч – Чё ты можешь-то, блеать?!

– Почему нельзя. Обычная злоба, ничего особенного... У нас всё можно.

– Вот и съеби отсюда, пидрила старая!

Салыч отошёл от подростка, харкнул наземь. Хлюпая носом, мальчик поднялся; стискивая окровавленную руку, захромал прочь. Толстая баба сейчас же бросилась утешать его. Салыч только раззадорился:

– Вот с-суки, а! Сговорились!

И в этот момент над посёлком зазвучал рыдающий голос узника. Все, включая подростка, обернулись. Толстая баба заплакала ещё горше, стала целовать изувеченную руку. Народ повлёкся в центр, к динамику.

– Какого хера?! – заорал Салыч – Что вы творите, бля-ять! Вас топором руби, вам похую! По-ху-ю! Вы же... вы все ебану-утые, алё!

– Тебе плохо? Пойдём со мной, брат, пойдём. Общий плач очищает.

– Очнись, дед, я пиздюку руку сломал счас!

Салыч решил выебать мозг старосте и пошёл за ним следом, а тот всё твердил:

- Ничего-ничего, скоро дух получит тело и...
- Да какое... Кого ты духом-то называешь, а?! Питуха этого в тереме?!
- В тереме обитает дух властителя.
- А-а, значит всё-таки этот г-главный у вас... бедолага. Ну, пойдём.

Салыч бодро зашагал вперёд и даже чересчур бодро. На пятаке перед теремом расселись общинники. Из динамика доносились всё те же страдающие возгласы. Салыч вдруг понял, что нужно сделать, чтобы разломать этот тупой уклад – надо было нарушить единственный запрет, то есть освободить узника.

– Сто-ой! – закричали в спину, когда Салыч побежал к терему. Люди схватили и повалили его. Бабы повисли на руках, упрасывая не открывать дверей. Плачущие мужики теснили, говоря:

- Не надо! Ты не знаешь!..
 - Остановись! – увещевал староста.
- Салыч отбрыкивался, толкал баб и детей, плевал в небритые рожи.
- Идите вы нахуй со своим бредом!

Ему, наконец, удалось вырваться, и он влетел в двери терема. Едва он вошёл, раздался щелчок, где-то что-то ухнуло, и дверь захлопнулась за его спиной. Это было неприятным. Голос, не переставая, повторял свои мантры.

– Эй! – позвал Салыч и, протянув руку, стал шарить ею вокруг себя. В самый центр терема сквозь отверстие в конусе крыши опускался столб света. Салыч подошёл ближе. Выше, в двух метрах над ним был уступ, на уступе стояло что-то тёмное. Красная точка мерцала в полутьме.

- Эй! Слышь? – спросил он.

Никто не отозвался. Голос по-прежнему слёзно просился на волю. Что-то злое и горькое рождалось в груди. Салыч подпрыгнул, в попытке зацепиться за уступ, но не дотянулся до него. Приземляясь, он споткнулся и, падая, случайно подхватил с пола какую-то книжицу, поднёс её к свету. Это был «Молитвослов». На влажной пожелтевшей бумаге чернели буквы: «Я славлю великое счастье, выпавшее на мою долю, счастье Великого Перехода...»

Салыч отбросил книжку, заорал:

- Э-эй! Народ!.. Люди-и!

Он подбежал к двери, попытался нащупать ручку или замок, но вместо этого почувствовал на брёвнах глубокие следы от скобления. Он отпрянул, прыгнул на стену, надеясь зацепиться за что-нибудь, но стены были голыми и сырыми. Сверху послышался лёгкий шорох. Задрав голову, Салыч видел, как возле мерцающей красной точки высветился экранчик, а потом на нём проявились и поехали электронные латинские буквы – GOOD BYE! После этого точка погасла. Дух получил тело. Голос стих.

Поклонение волхвов

Сквозь занавески Таня видела за окном густой снег. Занавески превращали снег в свет и этот унылый свет творил комнату. По углам стояли иконы, этюдники, доски, темпера и кисти. Таня уже несколько дней не бралась за работу, почти не спала. Она подолгу лежала на диване, накрытая покрывалом, и думала одну и ту же нехитрую мысль: «Просто у меня были ключи... Без ключей я, может быть, никогда не узнала бы. Надо же – взяла ключи перед уходом...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.